

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.3.210-223

ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО МОДЕРНИЗМА КОНСЕРВАТИВНОЙ КРИТИКОЙ

А.Н. Тушев

rs-journal@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье анализируется восприятие русского модернизма критиками консервативной направленности. Являясь противниками декадентства, они широко использовали медицинскую терминологию, связанную с психическими заболеваниями по отношению к творчеству модернистов. Консервативная критика видела в модернистском искусстве опасность для общества, призывая читателя увидеть в декадентстве серьезную угрозу.

Ключевые слова: декаданс, консерватизм, литературная критика, литературная репутация, патография, русская литература, русский модернизм, Серебряный век.

Для цитирования: Тушев А. Н. Восприятие русского модернизма консервативной критикой. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;3(3): 210–223.

RECEPTION OF RUSSIAN MODERNISM BY CONSERVATIVE CRITICISM

A. Tushev

rs-journal@mail.ru;

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article analyzes the perception of Russian modernism by conservative critics. As opponents of decadence, they widely used medical terminology related to mental illness in relation to the work of modernists. Conservative critics saw modernist art as a menace to society, urging the reader to see decadence as a serious threat.

Keywords: conservatism, decadence, literary criticism, literary reputation, psychobiography, Russian literature, Russian modernism, Silver age.

For citation: Tushev A. N. Perception of Russian modernism by conservative criticism. *Kazan linguistic journal*. 2020;3(3): 210–223. (In Russ)

В 1904 г. прошло двенадцать лет с момента публикации сборника Д. С. Мережковского «Символы. Песни и поэмы» (1892) и чтения им лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», вышедшей год спустя отдельным изданием. С этого времени принято отсчитывать начало русского модернизма. К 1904 г. модернизм успел окончательно сложиться как литературное движение со своей внутренней

структурой и стать заметным явлением в культурном пейзаже эпохи [5; 7]. К этому времени уже выходят в свет такие знаковые для модернизма журналы, как «Мир искусства» и «Новый путь», работает издательство «Скорпион», в этом же году начинается выпуск журнала «Весы». Переживают взлет популярности Бальмонт и Брюсов, начинает заявлять о себе младшее поколение символистов – Александр Блок и Андрей Белый.

Вся эта активная деятельность не могла пройти мимо внимания критики так называемых толстых журналов, основная масса которых относилась к новым тенденциям в литературе настороженно, а порой и прямо враждебно. Феномен русского модернизма, обративший на себя внимание широкой публики, требовал осмысления и подведения некоторых итогов более чем десятилетнего присутствия декадентов в русской литературе. Необходимо было, во-первых, указать причину такой популярности символистов у читателя, и во-вторых, объяснить возникновение самого феномена декадентства в общеевропейской культуре, назвать те культурные и социальные тенденции, которые привели к его появлению.

Проблема литературной репутации и восприятия модернистов в прижизненной критике, как мы полагаем, не получит должного освещения без обращения к изданиям и авторам, которые прямо были враждебны по отношению к этому литературному и культурному феномену. Именно в критических материалах недоброжелателей, видевших в декадентстве свидетельства вырождения и упадка нравов, можно услышать голос современника тех событий, который воспринимал и осмыслял модернизм в момент его зарождения и становления, задолго до того, как авторы-модернисты были канонизированы историей литературы и признаны центральными и важнейшими для эпохи, а сама эпоха получила название «Серебряный век».

Довольно подробную и обстоятельную попытку рассмотреть феномен модернизма с точки зрения, как внутреннего содержания, так и его социокультурного генезиса, можно обнаружить в статье А.И. Покровского

«Современное декадентство перед судом вековых идеалов», опубликованной в журнале «Русский вестник» в 1904 г. Автор, стоявший на религиозных и консервативных позициях, дает развернутую критику самых различных сторон художественной практики и деятельности модернистов во множестве аспектов. Среди них – отношение к религии и морали, эстетически воззрения декадентов, их негативное влияние на общество. Подобный враждебный взгляд автора на модернизм в целом соответствовал тому идеологическому направлению «Русского вестника», которое он принял в последний период своего существования. Декадентство присутствовало на русской почве уже больше десятилетия, и консервативный лагерь встал перед необходимостью дать свою оценку этому феномену, и сформулировать свою позицию в вопросе о месте модернизма в культуре и общественном сознании.

Критик говорит о том, что в обществе нет единства в вопросе о декадентстве. Он производит разделение публики на три группы, основываясь на том, как она воспринимает модернизм: 1) приветствует его, 2) относится к нему враждебно, 3) не воспринимает всерьез, видя в нем курьез и забавное чудачество. Он писал: «<...> одна восторженно приветствует декадентство и видит в нем “высшее откровение”, которое раздвинет горизонты человечества и поведаст миру новые, еще не ведомые ему тайны; другая – злобно и яростно нападает на декадентство, считает его сплошным дурачеством и гаерством и отказывает ему хотя бы в доле здравого смысла. Всю огромную середину между двумя указанными крайностями занимает так называемая большая публика, где, с легкой руки покойного В.С. Соловьева, утвердился какой-то легкомысленный, и мы бы сказали даже, игривый взгляд на декадентов. По смыслу такого взгляда, декаденты – это те забавные чудаки-поэты, которые сочиняют крайне неприличные стихи, а также и те оригиналы-художники, которые пишут самые фантастические картины <...> нельзя же, говорят, относиться ко всему этому серьезно; единственно возможное отношение – это легкая ирония и насмешка» [8]. Наиболее распространенным отношением

к модернизму, которого придерживается большинство читателей, как полагает автор, является восприятие его в качестве своеобразного курьеза. Эта модель восприятия была задана Владимиром Соловьевым, написавшим несколько стихотворных пародий на символистов. Удачно спародировав декадентов, Соловьев тем самым обезопасил их в глазах публики, с помощью юмора показав, что помимо вычурности и нелепости, в их творчестве нет сколько-нибудь серьезного содержания. Покровский видит ошибочность и опасность такого легкомысленного подхода к декадентству. За причудливыми образами он усматривает тревожные тенденции упадка культуры, и спешит предупредить об этом общество, не видящее в декадентстве угрозы.

Покровский продолжает мысль, высказанную еще Н.К. Михайловским в первой реакции критики на возникновение декадентства в России, статье «Русское отражение французского символизма» (Русское богатство. № 2. 1893). Оба критика настаивают на отсутствии у русских модернистов оригинальности. Все их творчество имеет заимствованный характер, они лишь следуют образцам и рецептам, предложенным Верленом, Бодлером и Уайльдом, не пытаясь предложить что-то новое и самобытное: «Среди <...> корифеев русского декадентства нет ни одного сколько-нибудь оригинального таланта; все они <...> копируют каких-либо излюбленных иностранных декадентов» [8, с. 549]. Упрек в недостатке оригинальности оставался во многом критической константой в восприятии символистов в России. С одной стороны это было связано с тем, что значительная часть поэтической продукции старшего поколения символистов представляла собой переводы западных образцов жанра, тех же Бодлера и Верлена: «<...> современное русское декадентство не имеет ничего оригинального (разумею декадентскую поэзию и беллетристику), а представляет простой сколок с иностранного, преимущественно французского декадентства» [8, с. 560]. С другой стороны, это определялось стратегией саморепрезентации, которую избрали первые русские модернисты. Поскольку кроме собственно художественных приемов, они копировали также модели публичного образа и бытового поведения

европейских декадентов. Отчасти подражательный характер раннего русского модернизма и обусловил критическую инерцию в его восприятии. Недоброжелательные критики могли с определенным основанием обвинять русский символизм в неоригинальности, игнорируя первые попытки отдельных его представителей опереться в своем творчестве на национальные начала.

Как и многие противники декадентства, в своей критике Покровский обращается к книге Макса Нордау «Вырождение». Вообще, использование медицинской терминологии, связанной с психическими заболеваниями, широко применялось по отношению к творчеству модернистов. Так, показывая на примере стихотворений Бальмонта «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть Солнце» и «Солнечный луч» склонность декадентов к болезненному индивидуализму и солипсизму, Покровский прибегает к словарю психиатрии: «На почве такой индивидуальной исключительности, у декадентов вырастает необыкновенная самовлюбленность и безумная гордость, напоминающая какой-то маниакальный бред величия <...> Иногда эта мания величия переходит в <...> экстатический, исступленный бред» [8, с. 562]. Ссылки на работы Нордау и других психиатров обеспечивали критиков декадентства опорой на авторитет науки, делая их суждения более основательными, базирующимися на последних достижениях психиатрии. В итоге сам дискурс антидекадентской критики приобретал отчетливо медикализированный вид, в силу использования медицинской лексики и стремления поставить авторам разбираемых произведений тот или иной диагноз. И Покровский, основываясь на авторитете специалистов по душевным заболеваниям, а также собственном анализе творчества символистов, делает вывод о «вырожденческой» природе нового искусства: «Такой психопатологический, “дегенеративный” характер декадентства, по приговору ученых психиатров, резче всего сказывается в его дисгармонии мыслей и ощущений <...> который одинаково характеризует, как декадентов, так и всех невропатов» [8, с. 590]. Подобному симбиозу литературного анализа и психиатрии поспособствовало то, что не только критики спешили сослаться на психиатров, но и профессиональные

врачеватели душевных болезней нередко обращались к материалу художественной литературы, и охотно ставили неутешительные диагнозы [1; 2; 3; 4; 6; 9; 10; 11]. Так, Покровский, помимо Нордау, находит союзников в борьбе с декадентством и среди русских психиатров. Он приводит цитаты из работ Г.И. Россолимо и Н.Н. Баженова, поднимавших в своих исследованиях вопрос о связи между творческой деятельностью и психическими расстройствами, и находивших объяснение феномену декадентства в душевных недугах: «Вывод у обоих авторов один и тот же, а именно: большинство так называемых декадентов – неискренно и лицемерно: оно лишь иллюстрирует настоящее, подлинное декадентство, надевает на себя только маску декадентства, чтобы импонировать и рисоваться перед толпой. Все же те, кто безусловно искренни и последовательны в своем декадентстве, непременно, в той или другой мере, психопаты и дегенераты, что они документально и удостоверяют, с биографическими данными в руках, относительно большинства выдающихся декадентов» [8, с. 590]. Таким образом, солидаризуясь с психиатрией в понимании «искренних» декадентов как душевнобольных, литературная критика опиралась на авторитет науки, и во многом заимствовала у нее словарь. Отсюда в рассуждениях о литературе возникают термины и диагнозы (невропатия, психопатия, дегенерация, патология, маниакальный бред и другие), создающие особый антидекадентский критический дискурс, имеющий отчетливо медикализированный характер.

Покровский задается вопросом, в чем причина возникновения декадентства и загадка его популярности и широкого распространения в Европе: «Но почему же, однако, оно могло так сильно и очень многих увлечь за собою? Где тайна обаяния декадентства и какой его смысл в культурной истории человечества?» [8, с. 587]. На этот вопрос у критика имелось социокультурное объяснение, связанное с ситуацией кризиса, которую переживает всякая цивилизация в переходную эпоху. Согласно Покровскому, декадентство представляет собой болезненную реакцию современного человека, вызванную разочарованием в позитивизме, рациональных моделях

объяснения мира и достижениях научно-технического прогресса: «<...> декадентство выросло и создано во Франции в продолжение второй половины XIX в., т.е. там и тогда, где и когда особенно сильно было господство рационализма и позитивизма, в наиболее резких и грубых их формах <...> Параллельно с этим и в области технической промышленности, экономических реформ, общественной и политической жизни шел самыми быстрыми шагами такой же, родственный рационализму, утилитарно-материалистический прогресс» [8, с. 587]. Однако успехи, которых достигла цивилизация к этому периоду своего развития, так и не дали человеку ответов на самые важные вопросы, но лишь истощили до предела его психику: «Но, развившись до гипертрофии, разум не выдержал такого натиска и заболел <...> острым утомлением, глубоким отвращением от всего, что прежде так интересовало, и полным разочарованием во всем» [8, с. 587]. Вместо *разума*, плодом которого был научный позитивизм, человеком стало двигать *чувство*, которому не находилось места в рационалистическую эпоху середины XIX-го столетия. И человек поспешил отдаться всему, что являло собой полную противоположность рационализму; главенство научного познания мира сменилось приоритетом познания мистического и интуитивного: «Моментом такого острого паралича разума и поспешила воспользоваться другая, вечно жившая в человеке сила, которая доселе была подавлена разумом, это – *чувство*, со всеми его как высшими запросами, так и низшими инстинктами <...> оно, по закону реакции, прежде всего, поспешило опрокинуть все прежнее <...> на место прежнего рационализма, позитивизма и натурализма стали мистицизм, оккультизм и неоромантизм <...> на место схоластической религии католичества, с ее обрядностью и ритуалом, – необуддизм, культ Сатаны <...> на место прежних ясных и точных догматических формул позитивной науки и искусства – экстатические просветы, суеверные прорицания, бледные тени и неуловимые намеки» [8, с. 587–588].

Декадентство, как полагает Покровский, не является феноменом свойственным исключительно европейской культуре рубежа веков.

Он рассматривает историю как циклический процесс, в котором за расцветом всякой цивилизации неизбежно следует ее упадок, а затем рождение нового, лучшего общества. Культура таких переходных периодов несет на себе явные отпечатки разложения, сходные с теми, что получили название «декадентство» в современную автору эпоху: «<...> “декадентство” далеко не оригинально и не ново, а старо, как самый мир, – оно симптоматично всем переходным эпохам: всякий раз, когда изнашивались старые цивилизации и на развалинах их нарождались новые <...> непременно возникало свое декадентство <...> так было в эпохи Потопа, Вавилона, античной Греции и Рима, накануне средневековой Реформации» [8, с. 592]. Сущность же кризиса современности Покровский определяет как переход от гипертрофированного позитивизма середины XIX-го века обратно к идеализму: «<...> наше современное декадентство <...> показатель того переходного момента, который переживает современное человечество, возвращаясь из темных дебрей натурализма и позитивизма в светлые области идеализма» [8, с. 592]. Декадентство в логике критика и является пусть и болезненным, но признаком этого чаемого им возврата к идеализму. Именно подавленный в предшествующий период позитивизмом идеализм, своим бунтом против него породил декадентство. Однако та форма, которую принял этот бунт, превративший желание свободы в торжество недозволенности, перечеркнул этот изначально положительный порыв к новому идеализму: «На долю же декадентства выпала довольно исключительная и зловещая роль <...> соединить несоединимое: как яркий протест за свободу духа против подавления его в позитивизме, декадентство как нельзя больше отвечало коренным идеалистическим порывам духа, его неудержимой жажде свободы и вечного прогресса. С другой стороны, раздвинув рамки этой свободы до степени произвола, декадентство открыло самый широкий простор господству низших, чувственных инстинктов <...> симпатичное по своему исходному пункту, как протест против тяжелого гнета бездушного позитивизма и грубого натурализма, декадентство глубоко

антипатично по своим окончательным выводам, как грубое торжество той же плоти и новый плен духа, во имя ложно понятой свободы тела» [8, с. 589–590].

Понимавший роль декадентов, как невольных предтеч будущего возвращения идеализма, критик готов был даже увидеть в них и отдельные положительные начала, а не только лишь апофеоз упадка и безнравственности. Этими началами были отмеченные им желание свободы и бунт против ее подавления. В области же творческой, Покровский отдает модернистам должное за их новаторство и своеобразие: «Конечно, в декадентстве <...> не все сплошь отрицательно, не все так болезненно и печально <...> Такой “живой струей” декадентства является, прежде всего, его борьба против условных формул и закрепощения личности, его протестующая идеалистическая логика и его беспокойное, неудержимое стремление к свободе и прогрессу. Другой, чисто литературной заслугой декадентства <...> служит некоторая действительная эволюция в области мысли, рифмы и слова, его тонкая и нередко художественная игра красок и тонов» [8, с. 592]. Однако эти отдельные аспекты не меняют общее отрицательное отношение автора к феномену декадентства.

Критика Покровским декадентства не ограничивается только лишь областью художественной литературы. Он рассматривает этот феномен шире, как явление, проникшее в самые разные сферы человеческой жизни. Автор видит распространение упадочных тенденций в окружающей повседневности, в домашнем быту: «Находясь под напором таких сильных и назойливых влияний, современное нам общество страдает ясно выраженной болезнью декадентства, зараза которой проникла положительно во все уголки не только общественной, но и частной жизни <...> Наконец, и мы сами, в мелочах нашей обыденной жизни, начиная с модной обстановки наших квартир, где доминируют тонкие линии и бледно-зеленые тона <...> разве не платим обидной дани модному увлечению? <...> мы – рабы декадентской моды» [8, с. 558-559]. Этим во многом и объясняется тревожный пафос статьи Покровского, призывающего общество не относиться к декадентству как к курьезу

и чудачеству, но воспринять опасность всерьез, поскольку оно проникло повсюду, и влияние его широко.

Наибольшую обеспокоенность у стоящего на консервативных и религиозных позициях автора вызывает крайний имморализм нового искусства, который определяется специфической «религией декадентства». По мнению Покровского ключевой характеристикой эстетического и морального феномена модернизма, является «<...> крайне-отрицательное и даже злобно враждебное отношение декадентства ко всем божеским и человеческим законам» [8, с. 563]. К такому выводу он приходит, приводя в пример символистские произведения, в которых их авторы обращались к дьяволу и темным силам. В первую очередь это касается Федора Сологуба, чье стихотворения «Когда я в бурном море плавал» он среди многих других цитирует в своей статье. Частое обращение символистов к подобным сюжетам и образам позволяет Покровскому говорить об особой «религии» декадентов, которая заключается в поклонении дьяволу: «Низвергнув в своем безумье Бога, декаденты с каким-то особенным злорадством преклоняются перед Его исконным врагом – дьяволом <...> Можно положительно сказать, что *культ Сатаны* с его черными мессами составляет своего рода “*религию декадентства*”» [8, с. 566]. Нам представляется, что в подобном взгляде на модернизм, не только как на эстетический и социальный, но и религиозный феномен, проявилась специфика идеологической ангажированности автора статьи, стоящего на позициях православия. Он последовательно развивает мысль о религиозном характере декадентства, сравнивая стихотворные обращения к дьяволу с элементами католического ритуала [8, с. 567]: «В самом, деле чем все эти экзальтированные воззвания к дьяволу, эти гимны великому падшему ангелу, эти черные мессы и литании дьяволу, – чем все это отличается от всякой другой религии, хотя бы, напр., католической? Решительно ничем: и здесь та же, своего рода, догма, то же преклонение и такой же ритуал; все различие сводится только к разнице объектов религиозного почитания, а не к самой его сущности, которая в обоих этих случаях одна и та же» [8, с. 582].

Сатану критик называет и настоящим прародителем декадентства, сводя всю программу нового искусства к поклонению падшему ангелу: «Лучшим объяснением такого необыкновенного пристрастия декадентов к демонизму служит указание на то, что они, как “*падавшие*”, или “*отпадавшие*”, естественно считают своим отцом и родоначальником “*первого павшего*” или Сатану <...> Вот – родословная и программа всего декадентства. Отсюда окончательно ясно, что оно не только индифферентно-атеистическое, но и глубоко враждебное религии направление [8, с. 567–568].

Демоническая «религия» декадентства определяет и специфическую мораль, точнее имморализм всего движения. Именно в уничтожении традиционных моральных установок Покровский усматривает главную опасность распространения и популярности в обществе нового искусства: «Но всего сильнее, всего беспощаднее и резче разрушительно-отрицательное направление декадентства сказывается в его отношении к морали <...> В этом служении “черному” и состоит сущность морали декадентов, которую они, в отличие от прежней “*морали добродетели*” называют “*моралью эстетики*”, или “*чистой красоты*”» [8, с. 568–569]. Сущность декадентского имморализма, по мнению критика, обусловлена тем, что вместо этических идеалов, модернисты провозгласили культ «чистого искусства», поставили красоту во главу угла, отвергнув все внеэстетические ценности: «<...> из трех универсальных начал – добра, истины и красоты – единственное реальное значение имеет только последнее; то, что красиво, есть “уже тем самым и истинно и добро”» [8, с. 584]. Гипертрофированный эстетизм модернистов, как полагает Покровский, привел их в итоге к полному отрицанию этических категорий или «боязни» морализма. Этим сознательным неприятием положительных начал критик и объясняет многие антиобщественные тенденции, содержащиеся в декадентстве: «Эта преувеличенная боязнь испортить свою красоту привлечением в нее религиозно-нравственного элемента заставляет их настолько сильно удаляться от него, что часто толкает

в противоположную крайность. Вот откуда объясняется <...> преимущественное тяготение декадентов ко лжи, преступлению и пороку (боязнь морализма)» [8, с. 585]. Модернизм, действительно, бросал вызов традиционной морали, часто сознательно провоцируя читателя обращения к образам и сюжетам, связанным с темной стороной жизни и человеческой природы. В своем внимании к предельным состояниям и переживаниям они не были первыми, но именно эту грань модернистского творчества критика сделала определяющей чертой их литературной и общественной репутации.

Как же современная модернизму консервативная критика воспринимала этот литературный и культурный феномен? Прежде всего, она видела в нем опасность для общества, предостерегая читателя от легкомысленного отношения к декадентству, призывая его увидеть в символистских произведениях серьезную угрозу. Для этого критика активно пользовалась наработками современной психиатрии, заимствуя у нее терминологию, поскольку психиатрия сама обращала свое внимание на «патологический» характер нового искусства. Причина же популярности и широкого распространения декадентства в культуре объяснялась кризисным состоянием современного человека, разочаровавшегося в позитивизме и ищущего ответов на свои вопросы в обращении к мистике и интуитивным способам познания мира.

Литература

1. *Баженов Н.Н.* Болезнь и смерть Гоголя. Публичное чтение в годичном заседании Московского общества невропатологов и психиатров. М.: Изд-во Кушнерева, 1902.
2. *Баженов Н.Н.* Больные писатели и патологическая литература. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Изд-во Кушнерева, 1903. С. 1040.
3. *Баженов Н.Н.* Душевная драма Гаршина. Психиатрические беседы на литературные и общественные темы. М.: Изд-во Кушнерева, 1903. С. 104122.

4. *Бехтерев В.М.* Достоевский и художественная психопатология (Публикация С. Белова и Н. Агитовой). Русская литература. 1962. № 4. С. 135141.

5. *Воскресенская М.А.* Символизм как мировидение Серебряного века. М.: Логос, 2005.

6. *Николози Р.* Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

7. *Пайман А.* История русского символизма. М.: Республика, 2000.

8. *Покровский А.И.* Современное декадентство перед судом вековых идеалов. Русский вестник. 1904. № 6. С. 543594.

9. *Сироткина И.Е.* Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века / пер. с англ. автора. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

10. *Чиж В.Ф.* Болезнь Гоголя. Записки психиатра. М.: Республика, 2001.

11. *Becker G.* The Mad Genius Controversy: A Study in the Sociology of Deviance. Beverly Hills and London: Sage, 1978.

References

1. *Bazhenov N.N.* (1902). Gogol's Illness and Death. Public Reading at the Annual Meeting of the Moscow Society of Neuropathologists and Psychiatrists. Moscow. (In Russian)

2. *Bazhenov N.N.* (1903). Sick Writers and Pathological Literature. *Psikhiatricheskie besedy na literatunye i obshestvennye temy*. Moscow. Pp. 1040. (In Russian)

3. *Bazhenov N.N.* (1903). Garshin's Soul Drama. *Psikhiatricheskie besedy na literatunye i obshestvennye temy*. Moscow, 1903. Pp. 104122. (In Russian)

4. *Bekhterev V.M.* (1962). Dostoevsky and Artistic Psychopathology (published by S. Belov and N. Agitova. *Russkaya Literatura*. № 4. Pp. 135141. (In Russian)

5. *Voskresenskaya M.A.* (2005). Symbolism as a Worldview of the Silver Age. Moscow.

6. *Nicolosi R.* (2019). Degeneration. Literature and Psychiatry in Russian Culture at the End of the XIX Century. Moscow. (In Russian)
7. *Payman A.* (2000). History of Russian Symbolism. Moscow, 2000. (In Russian)
8. *Pokrovskiy A.I.* (1904). Modern Decadence before the Court of Age-old Ideals. *Russkiy vestnik*. № 6. Pp. 543594. (In Russian)
9. *Sirotkina I.E.* (2009). Classics and psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the End of the XIX-beginning of the XX Century. Moscow. (In Russian)
10. *Chizh V.F.* (2001). Gogol's Disease. Notes of a Psychiatrist. Moscow. (In Russian)
11. *Becker G.* (1978). The Mad Genius Controversy: A Study in the Sociology of Deviance. Beverly Hills and London: Sage.

Автор публикации

Тушев Андрей Николаевич –
преподаватель
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
г. Казань, Россия
 ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4201-6265>
 Email: rs-journal@mail.ru

Author of the publication

Andrey N. Tushev –
Lecturer
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russia
 ORCID <https://orcid.org/0000-0003-4201-6265>
 Email: rs-journal@mail.ru